

**Ф.ДОСТОЕВСКИЙ. УТОПИЧЕСКИЙ МЕЧТАТЕЛЬ ИЛИ ПРЕДСКАЗАТЕЛЬ
СОЦИАЛЬНЫХ КАТАСТРОФ?**

Существует одна старинная притча. Философу приснилось, что он стал мотыльком. Проснувшись, он не мог уже понять, кто он: мудрый старец, видевший во сне, будто он стал мотыльком, или мотылек, которому снится, что он - мудрый старец. В этой притче сон и явь переплетаются. Во сне была воплощена мечта человека о парении мысли, души к великой свободе, счастью.

Нередко к снам и сновидениям прибегают писатели, когда сон в художественном произведении становится одним из способов постижения действительности, средством воплощения мечты. Идея блаженства земного рая становится основополагающей в литературном жанре утопия, которая для воплощения проекта социальных преобразований прибегает к форме путешествий, робинзонады, сна. Утопия дает человеку стимул к саморазвитию, к постоянному движению. «Идея «золотого века», «рая на земле» прекрасна быть может именно в своей невоплотимости» [1]. «Пусть, пусть это никогда не сбудется и не бывает в раю (ведь, уж это я понимаю) ну, а я все-таки буду проповедовать, - говорит герой рассказа Достоевского «Сон смешного человека», увидевший во сне идеальную страну. -А между тем так это просто в один бы день, в один бы час все сразу устроилось. Главное люби других как себя. Вот что главное. И это все, больше равно ничего не надо: тотчас найдем как устроиться».

В рассказе «Сон смешного человека» с наибольшей полнотой определен контраст: что было там, в «золотом веке», и что есть теперь, в век Ваала, бога крови и золота. «Смешной человек» перенесся в «золотой век», всюду сияло праздником, великим торжеством. Ласковое изумрудное море с любовью лобызало берега. Листочки прекрасных деревьев приветствовали чужестранца своим шумом и как бы выговаривали слова любви. Птички садились ему на плечи и на руки, радостно ласкали его своими крылышками. Этот пейзаж сказочной планеты контрастирует с земным «петербургским» пейзажем (мрачный дождь, ужасающая сырость, темное небо, грязь, туман, тусклые газовые фонарики). Наконец явились люди, «дети своего солнца». «Они целовали и ласкали пришельца, стремясь согнать страдание с его лица». «Никогда, - рассказывает смешной человек, - я не видывал на нашей земле такой красоты в человеке. Разве лишь в детях наших, в самые первые годы их возраста. Можно было бы найти отдаленный, хотя и слабый отблеск красоты этой». Обитатели созерцаемого «смешным человеком» «рая» были резвы и веселы, как дети. В их словах и голосах звучала детская радость, они блуждали по своим прекрасным рощам и лесам, они питались легкой пищей - плодами. Своих деревьев, медом лесов своих, молоком любивших их животных. «Для пищи и одежды своей они трудились лишь немного, слегка, «между ними не было ревности... Их дети были детьми всех. Потому что все составляли одну семью. У них почти не было болезней, хоть и была смерть. Но смерть не ужасала их. У них отсутствовали храмы, не было веры, но у них было живое слияние со всей вселенной, с окружающей природой, они славили землю, море, леса, они слагали идущие от сердца песни друг о друге, они жили, любя друг друга». Лица людей фантастической планеты сияли разумом, они много знали, но они не имели земной науки, не стремились к познанию жизни потому что «жизнь их была восполнена», они и без науки знали, как им жить и жили в соответствии со своим желанием. А потому были спокойны, уверены и счастливы. И знание их было не то, которое дается обычной наукой, а являлось каким-то проникновением, позволяющим им не только знать, но и любить, сливаться с жизнью природы, понимать ее, соприкасаться не мыслью, а каким-то живым путем со всем мирозданием. Все содержание жизни по детски счастливых, невинных и прекрасных людей заключалось в любви в обожании друг друга и всего окружающего. Именно это ощущение любви осталось навеки в «смешном человеке». «Дети солнца» могли бы с полным правом

сказать, что жизнь есть любовь. Любовь преобразила всю их физическую природу и все их духовные способности, наполнила собой всю их жизнь. Таков живой образ идеального человека, идеального человеческого общежития.

Мир не может жить без утопии, однако в любой утопии, изначально заложено немало противоречий. Основополагающие идеи утопии - это идеи социального равенства, разумного государственного устройства полного материального благополучия. Но истинного равенства мы не найдем практически ни в одной из описанных утопистами стран. «На деле всеобщее уравнивание оборачивается насилием над самой человеческой природой. По сути дела, в качестве идеала авторы утопии в своих книгах выводят общество абсолютно одинаковых людей насильственно лишенных индивидуальной свободы, общество остановившееся в своем развитии» [2].

Может прав был Достоевский, давая проповедь подобному утопизму в «Записках из подполья». «И с чего взяли все эти мудрецы, что...человеку надо непременно благоразумно выгодно хотенья? Человеку надо одного только самостоятельного хотения, чего бы эта самостоятельность не стоила и к чему бы не привела». Гарантированное благо, по мнению героев «Записок» «ужасно скучно («потому что, что ж и делать тогда, когда все будет расчислено по табличке»). «Ведь я, например, нисколько не удивлюсь, если вдруг ни с того, ни с сего среди всеобщего блага возникнет какой-нибудь джентльмен и уперев руки в бока скажет: а что, господа, не столкнуть ли нам все это благоразумие с одного разу, ногой, прахом, единственно с той целью, чтоб все эти логарифмы отправились к черту и чтоб нам опять по своей глупой воле пожить».

Но означает ли это, что герой «Записок» отвергает высокую мечту о «золотом веке» человечества? Нет, не отвергает, остроумно замечая, что хрустальный дворец, лучше курятника во всех отношениях, но тем не менее заявляет: «А покаместь я еще жив, да отсохни у меня рука, коль я хоть один кирпичик на такой капитальный дом принесу единственно по той причине, что этому нерушимому зданию нельзя будет ни языка украдкой выставить, ни кукиш в кармане показать».

В 20 веке в эпоху жестоких экспериментов по реализации утопийных проектов оформляется как самостоятельный жанр-антиутопия.

«Фантастический мир будущего, выведенный в утопиях в качестве идеала, в антиутопии предстает как глубоко трагический» [3]. Если утописты наивно полагали, что «счастье быть как все» и есть истинная свобода, то мироустройство, воссозданное в антиутопиях, прямо опирается на идею Великого Инквизитора из романа Достоевского «Братья Карамазовы», который утверждал, что человек не может стать счастливым, не отказавшись от свободы.

В обществе будущего, которое предстает в романе «Что делать?», решена проблема хлеба насущного. Помните в самом начале главы: «Нивы – это наши хлеба, изобильные. Неужели это пшеница? Кто же видел такие колосья? Растет пшеница и на тех нивах, что созданы на месте «голых скал». «Воистину камни превращены в глыбы». То же и в легенде о Великом Инквизиторе.

Чернышевский изобразил мир счастливых людей. «Счастливые люди», чтобы сделать «людей счастливыми», так определяет свою цель и Великий Инквизитор, который думает и о «всемирном счастье». «У нас все будут счастливы,- говорит он Христу. Быстро и весело работают люди и в сне Веры Павловне. «Еще бы им не быстро и не весело работать, еще бы им не петь...

И все песни, незнакомые, новые... «А после работы они поют и танцуют в громаднейшем, великолепном зале. И этот урок учел Великий Инквизитор «... Но столь же легко будут переходить они по нашему мановению к веселью, к смеху, светлой радости и счастливой детской песенке. Да, мы заставим их работать, но не в свободные от труда часы мы устроим их жизнь как детскую игру, с детскими песнями, хором, невинными плясками». (О хоре - «какой хор», - сказано и во сне Веры Павловны). И только в одном абсолютная противоречивость. В обществе будущего, изображенном Чернышевским, люди свободны. В Легенде о Великом Инквизиторе люди сами отказались от свободы как тяжкого бремени. «О, никогда, никогда без нас они не накормят себя.

Никакая наука не даст им хлеба, пока они будут оставаться свободными, но кончится тем, что они принесут свою свободу к ногам нашим и скажут нам: «Лучше поработите нас, но накормите нас». Поймут наконец сами, что свобода и хлеб земной вдоволь для всякого вместе немыслимы...». Мысль эта станет основой антиутопии 20 в., как мы уже говорили. В повести Е.Замятина «Мы», Дж. Оруэлла «1984», где впервые будет сказано, что не будет не только свободы, но и хлеба вдоволь. И как в романе «Преступление и наказание» (в теории Раскольникова) те же два разряда: «Миллионы счастливых младенцев и тысячи великих и сильных», и над всеми Великий Инквизитор.

Действительно, в легенде Достоевский сконцентрировал все, что беспокоило его, внушало опасения, и тревожило в социалистических проектах и идеях. Здесь и сосредоточенность на социально-экономических вопросах как ключевых, недооценка проблем духовных, нравственных, культурных. Здесь и понимание равенства как уравнительности, грозящей обезличенностью. Здесь и пренебрежение интересами личности в пользу коллектива...». «Одним из первых осознавших опасность фантастического-утопического сознания, Достоевский со своей легендой явился по- сути основоположником жанра антиутопии» [4].

Достоевский предвосхитил возможность трансформации великой идеи, построенной на справедливости в идею, оправдывающую насилие, несправедливость и полное презрение к конкретному человеку. Во вступительном слове, сказанном им в пользу студентов Санкт-Петербургского университета 30 декабря 1889 г. перед чтением «Великого Инквизитора», он так и определил суть легенды: «Высокий взгляд христианства на человечество до взгляда как бы на звериное стадо, и под видом социальной любви к человечеству уже не замаскированное презрение к нему».

Естественно, что «Великий Инквизитор» не может быть сведен лишь к антисоциалистической идее. Характерно, что свою статью «Легенда о Великом Инквизиторе» С.Франк написал на рубеже 1933-1934 годов, когда к власти в Германии пришли фашисты. О непреходящем значении легенды хорошо оказал Н.Бердяев: «...тема знаменитой легенды гораздо шире, она универсальна в ней дана целая философия истории и сокрыты глубочайшие пророчества о судьбе человечества.

Великий инквизитор является, и будет еще являться в истории под разными образами...»

Там где есть опека над людьми (неверие в их высшее происхождение), кажущаяся забота об их счастье и довольстве, соединенная с презрением к людям, с неверием в их высшее предназначение и там жив дух «Великого Инквизитора».

Как эхо, вторит этим идеям Степан Трофимович Верховенский, подвергшийся со стороны тупого и самодовольного чиновника особых поручений при губернаторе унижительной и оскорбительной процедуре обыска, в результате которого были отобраны книги, бумаги и письма. В волнении и сильном душевном расстройстве герой произносит несколько загадочных фраз - почти смешных и безусловно нелепых в контексте реальностей русского губернского города конца 1860-х начала 1870-х годов позапрошлого века. Переведем наполовину французский текст его речей на русский язык: «Нужно, видите ли, быть готовым... каждую минуту... придут, возьмут, тьфу - исчез человек !;

«Кто может знать в наше время, за что его могут арестовать?»;

«У нас возьмут, посадят в кибитку, и марш в Сибирь на весь век, или забудут в каземате...»;

«Ну пусть в Сибирь, в Архангельск, лишение прав,- погибать так погибать: Но я другого боюсь,...высекут».

У Хроникера, собеседника и конфиденанта Степана Трофимовича, есть все основания считать «такое безумие» невероятным и невозможным преувеличением.

«Такое полнейшее, совершеннейшее незнание обыденной действительности было умилительно и как-то противно», - отмечает Хроникер Антон Лаврентьевич. Однако «полнейшее, совершеннейшее незнание обыденной действительности - в отношении того, что вообще можно сделать с человеком проявленное малодушным Степаном

Трофимовичем Верховенским, оказалось не безумием, а почти ясновидением. Может быть, в припадке раздражения и обиды Степану Трофимовичу померещилась совсем другая обыденная действительность – как Будущее - в той его ипостаси, которая связана с судьбой отдельного человека, и целого народа, присутствует в «Бесах» скупыми, но устрашающими штрихами.

В программе смуты и беспорядка, крови, огня и разрушения, составленной Петром Верховенским, есть важные пункты касающиеся «строительства». В первую очередь, понимает он, следует подумать о человеке. «Главное, изменить природу человека физически. Тут вполне надо, чтоб переменялась и стадность, уже непосредственно, хотя он давно забыл первоначальную формулу». «Развивая идею Шигалева о тотальном рабстве и органическом перерождении человеческого общества в равенство. Петр Верховенский вполне отчетливо и определенно обозначает тот уровень, «который нельзя будет переступить в будущем обществе» [5]. Развивая также свой собственный тезис «Мы всякого гения потушим в младенчестве», Петр Степанович в черновой программе расшифровывает свой замысел, указывая на те необходимые средства, которые и должны привести к необходимому среднему уровню. Будущим - не теперешним, но будущим - принципам, рассуждает он, все, что выше среднего уровня, будет чрезвычайно вредно: «середины выше всех целей».

Итак, главное - не допустить избытка желаний: «Чуть-чуть образования и развития - вот уже и желания аристократические, во вред коммуне; чуть-чуть семейство или любовь - вот уже и желание собственности». Искоренить в человеке чувства и желания семейственные, собственнические, любовные, даже просто интимно-половые, то есть все то, что выводит за пределы среднего уровня и выделяет человека из толпы и стада, в этом и состоит кардинальный путь перерождения человечества. «Ум, оставленный на самого себя; мир оставивший веру; общество, лишённое нравственных оснований; цивилизация, измеряющая благосостояние государства числом, мерой и весом продуктов, которые производятся людьми, а не уровнем их нравственности, образуют фундамент «строения каменного», задуманного Петром Верховенским» [6].

Архитектурный проект будущего здания имеет центральную осевую линию-стержень всего замысла, когда человек обращается в гадкую, трусливую, жестокую себялюбивую мразь - вот чего надо»

Собственно говоря, программа перерождения человека действует отчасти, уже в практике создания ячеек-пятерок. Человеческие качества в этом смысле - особая забота организатора: «Липутин мошенник, но я него одну точку знаю. Нет мошенника, у которого бы не было своей точки. Один Лемшин безо всякой точки, зато у него в руках».

Таким образом, новый человек, человек преображенный – без религиозных предрассудков, без моральных рефлексии, без нравственных оснований, без «аристократических» желаний и без избытка переживаний - человек идеально усредненный и избавленный от такой обузы, как талант и совесть, честь и достоинство такой человек и должен, по замыслу стать материальной силой задуманного строительства. Строить же, по словам Петра Степановича Верховенского, «мы будем, мы, одни мы!» Этот закон сформулирует в «Бесах» Достоевского Жигалев: «Мое заключение в прямом противоречии с первоначальной идеей, из которой я выхожу. Выходя из безграничной свободы, я заканчиваю безграничным деспотизмом. Выходя из безграничной свободы, я заканчиваю безграничным деспотизмом. Слова, эти помогают понять и своеобразную логику превращения утопии в антиутопии в антиутопию, своеобразный закон, согласно которому утопия с идеей свободы с фатальной неизбежностью оборачивается антиутопией, и конечным результатом становится абсолютная несвобода, прямо противоположная провозглашенным идеальным целям.

Литература

1. Айзерман Л. Русская классика накануне XXI века // Литература в школе, 1997, - №1.-с. 29.
2. Чаликова В. Утопия и свобода. -М., 1999. -С. 87.

3. Шохина В. На втором перекрестке утопий //Звезда, -1990. -№ 11. -С. 41.
4. Сараскина Л. «Бесы» - роман-предупреждение. -М., 1990. -С. 191.
5. Там же. -С. 93.
6. Мережковский Д. Достоевский. Акрополь: Избранные литературно-критические статьи. -М.: Книжная палата, 1991. -С.93.